
Readers' Letters and Editorial Polemics in the Jadid Press of Early Twentieth-Century Turkestan

Satibaldieva Nigora Alimqul qizi

n.satibaldiyeva@uzswlu.uz

Teacher,

Uzbekistan State World Languages University

Graeme Medd

graememedd01@gmail.com

Senior Lecturer,

Kimyo International University in Tashkent

Annotation

This article examines readers' letters and editorial polemics as mechanisms through which Jadid ideas circulated in the printed press of twentieth-century Turkestan. It shows how letter columns, local correspondences and editorial replies turned newspapers and journals into a venue for public discussion on the "new method" school, language reform, social ethics and cultural modernization. The paper combines historical-discursive analysis with a genre perspective and applies the public-sphere framework to a colonial setting. The study draws on a corpus of Jadid and enlightenment periodicals (including Taraqqiy, Sadoi Turkiston and Oyina) and on key scholarship about Central Asian print culture and Muslim cultural reform. Findings indicate that readers' letters served as "social diagnostics" and supported reform legitimacy, while editorial polemics translated everyday grievances into programmatic arguments and responsibility. Interactive features of print – feedback, replies and thematic series – thus strengthened diffusion by widening audiences and stabilizing norms of public discussion.

Keywords

Jadidism, periodical press, readers' letters, editorial polemics, public sphere, Turkestan, enlightenment, new-method school

XX asr boshlarida Turkistondagi jadid matbuotida o'quvchilar xatlari va tahririy munozaralar

Satibaldiyeva Nigora Alimqul qizi

n.satibaldiyeva@uzswlu.uz

O'qituvchi,

O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Graeme Medd

graememedd01@gmail.com

Katta o'qituvchi,

Toshkent shahridagi Kimyo xalqaro universiteti

Annotatsiya

Ushbu maqolada XX asr boshlarida Turkistonda shakllangan jadid matbuotida o'quvchilar xatlari va tahririyat munozaralari g'oyalar tarqalishining muhim mexanizmlari sifatida tahlil qilinadi. Tadqiqotning maqsadi – maktublar rukni, «joylardan xabar» ko'rinishidagi korrespondensiyalar hamda tahririyat javoblari gazeta va jurnallarni yangi usul maktabi, til va imlo masalalari, ijtimoiy axloq, ma'rifiy modernizatsiya kabi mavzular bo'yicha ommaviy muhokama maydoniga qanday aylantirganini ko'rsatishdir. Metodologiya tarixiy-diskursiv tahlil, janr yondashuvi elementlari hamda kolonial sharoitga moslashtirilgan «jamoat maydoni» konsepsiyasiga tayangan. Manba sifatida jadid va ma'rifatchi periodika

matnlari (jumladan Taraqqiy, Sadoi Turkiston, Oyina kabi nashrlar) hamda Markaziy Osiyoda matbuot va madaniy islohotlar tarixiga oid ilmiy tadqiqotlar jalb qilindi. Natijalar shuni ko'rsatadiki, o'quvchilar xatlari kundalik muammolarni «ijtimoiy diagnostika» qilib tasvirlash va islohotlarni legitimlashtirish vazifasini bajargan, tahririy polemika esa ularni dasturiy argumentlar tiliga ko'chirib, jamoaviy mas'uliyat g'oyasini kuchaytirgan. Xulosa sifatida, matbuotdagi qayta aloqa va javob-munosabatlar jadid g'oyalarining diffuziyasini tezlashtirgan.

Kalit so'zlar *Jadidchilik, matbuot, o'quvchi xati, tahririy munozara, jamoat maydoni, Turkiston, ma'rifat, yangi usul maktabi*

Письма читателей и редакционная полемика в джадидской прессе Туркестана начала XX века

Сатибалдиева Нигора Алимкул кизи

n.satibaldiyeva@uzswlu.uz

Преподаватель,
Узбекский государственный университет
мировых языков

Грэм Медд

graememedd01@gmail.com

Старший преподаватель,
Международный университет Кимё в
Ташкенте

Аннотация *В статье рассматриваются письма читателей и формы редакционной полемики как ключевые механизмы распространения идей джадидизма в печатных изданиях Туркестана начала XX века. Цель исследования – показать, каким образом рубрики письма-обращения, корреспонденции «из мест» и ответы редакции превращали газету и журнал в пространство публичного обсуждения вопросов новой школы, языка, социальной этики и культурной модернизации. Методологически работа опирается на историко-дискурсивный анализ, элементы жанрового подхода и концепцию публичной сферы, применяемую к колониальным контекстам. В качестве источниковой основы используются публикации джадидской и просветительской периодики (включая издания типа «Тараккий», «Садои Туркистон», «Ойна») и корпус современных исследований о печати и культурной реформе в Центральной Азии. Показано, что письма читателей выполняли функции «социальной диагностики» и легитимации реформ, а полемические редакционные тексты – функции перевода повседневных проблем в язык программы, аргумента и коллективной ответственности. Делается вывод о том, что интерактивность печати (обратная связь, ответные реплики, тематические серии) усиливала диффузию джадидских идей, расширяя аудиторию и закрепляя новые нормы публичного разговора.*

Ключевые слова *Джадидизм, периодическая печать, письма читателей, редакционная полемика, публичная сфера, Туркестан, просвещение, новая школа*

Введение

Джадидская печать в Туркестане начала XX века обычно описывается как «голос реформы»: она артикулировала программу новой школы, обновления языка и переосмысления социального порядка. Однако в реальной коммуникативной практике газета и журнал были не только каналом трансляции, но и площадкой обратной связи. Письма читателей, корреспонденции «из мест» и ответные редакционные реплики формировали режим публичного разговора, в котором идея приобретала социальную «видимость», а частная проблема превращалась в коллективный вопрос. Для исследования распространения джадидизма через СМИ важно анализировать именно этот интерактивный слой печатной коммуникации, а не ограничиваться перечнем программных статей и лозунгов.

Цель статьи – показать, как письма читателей и редакционная полемика действовали как механизм диффузии джадидских идей в условиях колониальной цензуры и фрагментированной грамотности. В качестве исследовательских задач выделяются: (1) описать институциональный и исторический контекст появления дискуссионной печати после 1905 года; (2) охарактеризовать жанровые особенности читательских писем и корреспонденций; (3) выявить типовые риторические ходы редакционной полемики; (4) объяснить, каким образом эти элементы расширяли аудиторию и стабилизировали новые нормы публичного обсуждения. Теоретически работа соотносит прессу с логикой публичной сферы как пространства критического обсуждения, понимая при этом, что колониальная ситуация и социальная неравномерность доступа к печати меняют классические модели (Habermas, 1989; Anderson, 2006).

Новизна предлагаемого ракурса заключается в смещении акцента с «идеологических текстов» на коммуникативную инфраструктуру. Джадидизм, как показывают исследования по истории культурной реформы, нельзя понимать только как набор идей; он проявлялся в практиках – в том числе в практиках письма, публикации, чтения и взаимного убеждения (Khalid, 1998). Поэтому анализ писем читателей позволяет наблюдать, как реформаторская программа «вращается» в повседневность: через язык семьи, школы, труда, через локальные конфликты и моральные ожидания.

Практическая значимость исследования связана с медиагуманитарной перспективой. Современные дискуссии о цифровой публичности нередко трактуют интерактивность как феномен последних десятилетий. Материал ранней периодики Туркестана показывает, что базовые принципы обратной связи и «публичной реакции» возникали и в условиях печати: письмо-ответ-реплика создавали динамику, близкую к современным комментариям и форумам, хотя и с иным темпом и иными социальными фильтрами. В этом смысле история джадидской прессы может рассматриваться как ранний опыт конструирования публичного пространства через медиа.

Источниковая база и методология

Эмпирическая основа исследования включает публикации джадидской и просветительской периодики Туркестана (в первую очередь издания типа «Тараккий», «Садои Туркистон», «Ойна»), а также материалы об истории региональной печати и становлении национальной интеллигенции. Для контекстуализации используются обобщающие работы по истории национальной журналистики и печати региона (Abduazizova, 2012; Allworth, 1990; Makhkamova, 2002) и исследования о печатной культуре и культурной реформе

мусульман Центральной Азии (Khalid, 1994, 1998).

Методология строится на сочетании историко-дискурсивного анализа и жанрового подхода. Историко-дискурсивная оптика позволяет рассматривать письмо не как «частный текст», а как публичный акт, встроенный в редакционные правила отбора, тематические повестки и цензурные ограничения. Жанровый подход восходит к представлению о том, что устойчивые коммуникативные формы задают ожидания авторов и читателей и тем самым организуют социальные смыслы (Bakhtin, 1986). Аналитические процедуры включают: (1) выделение повторяющихся тематических блоков писем (школа, язык, труд, нравы, бедность и т. п.); (2) описание позиционирования автора письма (учитель, ремесленник, «отец семейства», «мусульманин-читатель»); (3) анализ ответных редакционных реплик и полемических серий (сопоставление «старого» и «нового», апелляция к пользе знания, критика «обычая», легитимация реформ через религиозный и рациональный аргумент).

При работе с письмами и полемическими материалами необходимо учитывать их редакционную природу. Письмо – не «сырое» свидетельство, а текст, прошедший через редакционную селекцию и, вероятно, редактирование. В жанровом отношении это роднит письма с публицистикой: автор сознательно строит аргумент, выбирает регистр (уважительный, иронический, жалобный), адресует текст не только редактору, но и невидимой аудитории. Поэтому анализ ориентирован на выявление устойчивых коммуникативных сценариев, а не на реконструкцию индивидуальных биографий авторов.

Отдельное внимание уделяется понятиям «диффузии» и «интерактивности». Под диффузией здесь понимается не одномоментное «убеждение», а

постепенное распространение словаря и норм: какие формулы становятся привычными, какие темы признаются обсуждаемыми, какие решения воспринимаются как возможные. Интерактивность трактуется минимально – как наличие публично фиксируемого ответа на высказывание. Даже если ответ представлен в виде краткой редакционной ремарки, он уже меняет статус письма: превращает его в элемент диалога, а не в одиночное сообщение.

Теоретическая рамка интерактивности печати

Концепция публичной сферы в классической формулировке связывает современную печать с институционализацией критического обсуждения и с появлением аудитории, способной оценивать власть и социальные практики (Habermas, 1989). Применительно к Туркестану начала XX века эта рамка требует уточнений: чтение часто было коллективным, грамотность распределялась неравномерно, а цензура задавала границы «возможного» высказывания. Тем не менее печатные дискуссии создавали эффект публичности: они формировали общие темы, общие словари проблем и общие представления о том, что может обсуждаться «вслух». В этом смысле пресса работала как инфраструктура воображаемого сообщества, связывая разрозненные локальные группы через повторяемые тексты, сюжеты и формулы (Anderson, 2006).

Письма читателей и редакционные ответы можно рассматривать как минимальную форму публичной интерактивности. Даже когда письмо редактировалось или сокращалось, факт публикации фиксировал возможность «включения» непрофессионального автора в общую повестку. Редакционная реплика, в свою очередь, задавала рамку интерпретации: она могла поддержать автора, предложить «правильное» объяснение причин проблемы,

перенаправить эмоцию в аргумент или превратить частное наблюдение в пример для других. В результате происходило то, что в современной терминологии можно назвать «переводом» социального опыта в программу реформ и в язык коллективной ответственности (Khalid, 1998).

В анализе писем полезно различать три уровня жанровой организации. Первый уровень – адресность: письмо обращено к редакции, но фактически рассчитано на публикацию и на вторичную аудиторию. Второй уровень – риторика: письмо использует средства убеждения, характерные для публицистики (оценочные эпитеты, контраст, примеры, апелляции к пользе и морали). Третий уровень – редакционная рамка: заголовок, рубрика, краткая ремарка, иногда – ответ. Эти элементы формируют «режим чтения»: они подсказывают, как воспринимать текст (как жалобу, как общественное предложение, как предупреждение).

Для объяснения распространения идей через такие тексты уместно привлекать и более широкие подходы к распространению культурных практик. В культурной истории печать часто рассматривают как технологию стандартизации: она закрепляет орфографию, нормирует лексику, задаёт канон аргументации. В данном случае стандартизация касается не только языка, но и социального действия: печать предлагает стандартный формат общественного обращения (написать, опубликовать, обсудить, сделать вывод). Именно этот формат и становится переносимой «инновацией», которую аудитория может воспроизводить в разных темах.

Исторический контекст становления дискуссионной прессы

Появление джадидской периодики в Туркестане было связано одновременно с политическими окнами возможностей (после событий 1905 года) и с ростом локальной образованной среды. В

источниках по истории печати отмечается, что первые национальные издания региона столкнулись с сильным давлением администрации: номера конфисковывались, а редакторы подвергались преследованию (Makhkamova, 2002). Тем не менее сама попытка создать газету на местном языке и вести в ней обсуждение общественных вопросов означала институциональный сдвиг: печать переставала быть исключительно «официальным бюллетенем» и становилась медиатором между образованной группой и широкой аудиторией.

Для распространения идей джадидизма важны не только тематические статьи о школе и просвещении, но и прагматика газетного чтения. Исследователи печатной культуры Центральной Азии подчеркивали, что газеты читались и пересказывались в кружках, чайханах, медресе и частных домах; отдельные тексты могли переписываться или пересылаться, а риторические формулы – распространяться как «готовые» аргументы (Khalid, 1994). В такой среде письмо читателя выполняло двойную роль: оно фиксировало локальный опыт и одновременно служило моделью того, как этот опыт можно «правильно» рассказать публично.

Становление местной периодики нельзя отделять от инфраструктуры печати – типографий, сетей распространения и экономической базы. Как отмечалось в исследованиях о печатной культуре, в Туркестане начала века газета существовала на грани устойчивости: тиражи были ограничены, подписка нестабильна, а давление администрации могло в любой момент остановить издание (Khalid, 1994). В таких условиях письмо читателя выступало ещё и как «поддержка» газеты: публикация письма демонстрировала жизнь вокруг издания, повышала интерес, укрепляла символический капитал редакции.

Важен и межрегиональный контекст. Туркестанские реформаторы входили в

более широкий мир мусульманской печати Российской империи и сопоставляли свои проблемы с опытом других регионов. Через перепечатки, упоминания и дискуссии формировались горизонтальные связи между интеллектуальными центрами, а газета становилась механизмом циркуляции аргументов и примеров (Khalid, 1994, 1998). Для читателя это означало расширение горизонта: локальная проблема школы или языка связывалась с образами «успешного» опыта где-то ещё, а значит – получала дополнительную мотивацию к изменению.

Письма читателей как социальная диагностика и жанровая практика

Жанр письма читателя в джадидской периодике следует рассматривать как гибрид личного обращения и общественного сообщения. С одной стороны, письмо обычно строится вокруг конкретной ситуации: отсутствие учебников, конфликт в школе, «плохой обычай», финансовая несправедливость, бытовая антисанитария. С другой стороны, письмо почти всегда стремится выйти за пределы частного: автор обобщает, апеллирует к «пользе для народа», призывает к действию и ожидает реакции редакции. Именно эта двойственность делает жанр письма удобным каналом диффузии: читатель узнаёт в описании собственный опыт, но одновременно получает новую рамку объяснения, предлагаемую языком реформ.

Типовая композиция письма включает (1) обозначение статуса автора («учитель», «читатель-мусульманин», «отец детей»), что повышает доверие и задаёт точку зрения; (2) описание проблемы как факта, требующего свидетельства; (3) интерпретацию причин через оппозицию «знание/невежество», «порядок/хаос», «польза/вредный обычай»; (4) обращение к редакции как к посреднику, способному «донести» проблему до общества. Даже когда письмо не содержит прямых терминов джадидизма, оно часто воспроизводит его ценностный набор: уважение к знанию, рациональность,

трудовая дисциплина, ответственность за воспитание детей (Khalid, 1998; Allworth, 1990).

Важный эффект писем – нормализация критики. Для традиционной культуры публичное обвинение конкретных лиц или практик могло быть социально рискованным; письмо же создавало дистанцию и распределяло ответственность: автор не «скандалит», а «сообщает» ради пользы; редакция не «вмешивается», а «объясняет» и предлагает образец правильного поведения. Таким образом письма формировали практику «мягкой» критики, совместимой с цензурой и с локальными нормами уважения, но при этом продвигающей реформаторскую повестку.

Условно письма можно сгруппировать по «топикам», которые регулярно возвращаются в джадидской печати. Первый топик – образование: жалобы на низкое качество обучения, на отсутствие методики, на неподготовленность учителей, на сопротивление родителей. Второй – язык и грамотность: трудности чтения, необходимость понятных учебников, дискуссии об орфографии и терминологии. Третий – социальная этика: критика расточительных обрядов, пьянства, азартных игр, насилия в семье. Четвёртый – экономический порядок: вопросы бедности, долгов, справедливости в торговле. Пятый – здоровье и городская культура: санитария, болезни, чистота. Несмотря на различие тем, письма объединяет общий реформаторский способ объяснения: проблема трактуется как следствие не «рока», а практик и знаний, которые можно изменить.

Содержательно письмо часто строит мост между бытовым и «национальным». Так, обсуждая, например, покупку учебников или оплату учителя, автор может перейти к тезису о «будущем народа» и о необходимости инвестировать в образование. В результате создаётся новая логика ценности: расходы на знание

становятся морально оправданными и даже обязательными. Это важно, поскольку диффузия реформы всегда упирается в экономические решения домохозяйств. Письмо превращает финансовый выбор в вопрос чести, ответственности и общественного признания.

Показателен и вопрос об авторстве. Подписываясь статусом («учитель», «ремесленник») или псевдонимом, автор одновременно заявляет о праве говорить и снижает риск личных конфликтов. Псевдонимность и обобщённые подписи можно рассматривать как компромисс между желанием публичности и страхом социальных санкций. В условиях цензуры и локальных иерархий такая стратегия расширяла круг потенциальных участников дискуссии: говорить мог не только известный интеллектуал, но и обычный читатель, не подвергая себя прямой угрозе.

Корреспонденции из мест и сбор локального опыта

Рядом с письмами в строгом смысле слова в джадидской печати широко использовались корреспонденции «из мест» (сообщения из городов и кишлаков). Их функция сходна с письмом, но отличается более «репортёрским» стилем: акцент делается на наблюдении, перечислении фактов, фиксации событий (открытие школы, сбор средств, публичное собрание, конфликт вокруг обучения). Именно такие тексты превращали географически разрозненный Туркестан в связанное информационное пространство: локальное событие становилось «видимым» для других мест, а значит – потенциально повторяемым как образец.

С точки зрения диффузии идей важен принцип серийности. Корреспонденции часто публиковались не одиночными заметками, а тематическими «цепочками»: сначала письмо о проблеме, затем ответ редакции, затем реплика другого читателя, затем сообщение о практическом шаге (сбор денег, приглашение учителя, открытие

класса). Такая композиция создаёт эффект процесса и показывает аудитории, что реформа – это не абстрактный лозунг, а последовательность действий. В этой логике печать выступает как инструмент координации: она соединяет инициативы, задаёт язык отчётности и делает видимыми результаты (Khalid, 1994).

Корреспонденции из мест, как правило, адресованы не столько эмоции, сколько факту. Их функция – создать ощущение «карты событий»: где открылась школа, где возник конфликт, где прошёл сбор средств, где была прочитана лекция. Такой формат способствует распространению идей через эффект присутствия: читатель видит, что реформа «уже идёт», и воспринимает её как часть нормального движения времени. Это особенно заметно в сообщениях об образовательных инициативах: даже краткая заметка о новом классе или о появлении учителя в местности служит сигналом, что модернизация возможна.

Серийность корреспонденций формирует и новый жанр отчётности. В традиционной культуре инициатива часто оставалась внутри локального сообщества и не требовала публичного отчёта. Печать же приучает к публичному подведению итогов: сообщить о собранных средствах, назвать имена благотворителей, описать результаты. Это создаёт механизм социального давления и стимул к участию, поскольку участие становится видимым и, следовательно, социально вознаграждаемым.

Наконец, корреспонденции расширяют рамку «нормальности». Если письмо читателя фиксирует проблему, то корреспонденция может фиксировать «решение» и превращать его в образец. Через такие тексты джадидская пресса работала как посредник между локальными «изобретениями» и региональной распространяемостью: удачная практика становилась рассказом, который можно повторить.

Редакционная полемика и перевод частного в программу

Редакционная полемика в джадидской прессе проявлялась как в форме прямых ответов на письма, так и в виде серийных заметок, направленных против «старого метода» обучения, против практик повседневной неэффективности, против произвола и коррупции. Poleмическая статья обычно строится вокруг контраста: редакция демонстрирует разницу между «как есть» и «как должно быть», подкрепляя её примером, аналогией, сравнением с другими странами или историческим аргументом. Такой контраст выполняет дидактическую функцию: он не просто критикует, но задаёт норму, с которой читатель может соотнести своё поведение.

Характерный приём полемики – «двойная легитимация». С одной стороны, редакционный текст использует рациональный аргумент (польза знания, экономическая выгода грамотности, эффективность учебного времени). С другой стороны, он часто стремится показать совместимость реформы с религиозной нормой: апелляция к ценности знания в исламе, критика суеверий как «не-знания», различие религии и «обычая». Такое сочетание важно в колониальном контексте: оно защищает реформу от обвинений в «чуждости» и переводит её в категорию внутренней моральной необходимости (Khalid, 1998).

Ответы редакции на письма читателей выполняли роль «редакторского посредничества». Редакция могла согласиться с автором, но уточнить понятия; могла поддержать эмоцию, но потребовать фактов; могла переадресовать вопрос к сообществу («кто ещё сталкивался?») или, наоборот, предложить конкретную практику (как организовать сбор средств, где найти учебник, как вести урок). Тем самым письмо становилось не финальной жалобой, а началом общественной процедуры обсуждения и решения. В терминах

публичной сферы это выглядит как микро-институционализация критики: появляется правило, что проблему можно сформулировать, обсудить, уточнить и предложить шаги (Habermas, 1989).

Полемика часто разворачивалась вокруг конкурирующих режимов авторитета. Один режим – авторитет традиции («так принято»), другой – авторитет рациональности и эффективности («так полезнее»), третий – авторитет религиозной нормы («знание обязательно»). Редакционная задача состояла в том, чтобы перераспределить доверие: показать, что традиция может быть ошибочной, что польза знания имеет моральный статус, а религия не равна обычаю. Именно поэтому полемические тексты нередко строятся как «разъяснение», а не как грубая критика: редакция учит читателя различать аргументы.

В полемике заметно использование классических риторических стратегий. Этос проявляется в конструировании образа редакции как компетентного, морального и «своего» посредника. Пафос – в описании страданий детей, потерь времени, бедности, которые можно предотвратить. Логос – в приведении причинно-следственных связей: грамотность повышает возможности труда, школа формирует порядок, санитария снижает болезни. Такое сочетание позволяет адресовать разные сегменты аудитории и увеличивает шансы на принятие реформы в быту.

Полемика также производит «язык конфликта» – набор формул, которые позволяют спорить, не переходя к насилию. Например, вместо прямого обвинения используется категория «невежество» или «непонимание», вместо личной атаки – критика практики, вместо оскорбления – ирония. Это важно для формирования публичной сферы: общество учится критиковать через аргументы. В колониальном контексте подобная дисциплина языка ещё и снижает риски

репрессий, делая критику более косвенной.

Тематические кластеры писем и логика распространения

Письма и корреспонденции не были тематически хаотичными: они образовывали устойчивые кластеры, которые отражали «болевые точки» модернизации. Такой кластерный характер важен для диффузии идей, потому что повторяемость темы создаёт ощущение структурной проблемы. Когда газета раз за разом публикует письма о школе, читатель начинает воспринимать школу не как частный конфликт, а как общий социальный вопрос. Повторяемость становится доказательством значимости.

Наиболее плотный тематический блок связан с новой школой. Здесь письмо часто работает как переосмысление родительской ответственности: автор описывает, что ребёнок «не получает нужного», и переводит это в тезис о будущем семьи и общества. Полемика редакции в этом блоке обычно сдвигает акцент с персонального недовольства на системные решения: метод обучения, подготовка учителя, организация времени, обеспечение учебниками. Так формируется представление о школе как об управляемой системе, а не о мистическом «месте знания».

Второй блок – язык, письмо и грамотность. Письма здесь нередко фиксируют технические трудности: непонятность учебных текстов, отсутствие единообразия, сложности чтения. Эти жалобы позволяют редакции вводить обсуждение нормирования: почему нужен единый стандарт, как он облегчает обучение, почему грамотность связана с экономическими возможностями. В результате «техническая» проблема становится частью культурной реформы.

Третий блок касается социальной этики и повседневных норм: обряды, расточительство, семейные конфликты, насилие, отношение к труду. В письмах этого

типа заметна моральная экономика джадидизма: честность, умеренность, ответственность, уважение к времени. Редакционная полемика, отвечая, часто формирует нравственный аргумент реформы: новое не ради «подражания», а ради справедливости и человеческого достоинства (Allworth, 1990; Khalid, 1998).

Четвёртый блок – экономика и городская культура. Письма о торговле, долгах и бедности позволяют редакции говорить о рациональном ведении хозяйства, о ценности образования как капитала и о необходимости коллективных практик взаимопомощи. Показательно, что экономические сюжеты легко сочетаются с образовательными: автор письма может предложить собирать средства на школу, и тем самым превращает экономическую тему в практику реформы.

Наконец, заметный блок связан с гигиеной и здоровьем. В письмах, обсуждающих болезни детей, санитарию и чистоту, создаётся связь между телесным благополучием и знанием. Редакция получает возможность вводить элементы «научного» дискурса – без прямого давления: читатель сам приносит проблему, а редакция предлагает объяснение и практику. Такой механизм особенно эффективен для диффузии модернизаторских представлений, потому что здоровье является универсальной ценностью.

Риторика и стиль: как печать делала идею «понятной»

Диффузия идей зависит не только от их содержания, но и от их «переводимости» в язык повседневности. Джадидская пресса постоянно решала задачу объяснения сложных реформаторских тезисов аудитории, для которой политическая теория или педагогическая методика могли быть далёкими. Здесь письма читателей играли роль естественного «простого языка»: они демонстрировали, как говорить о школе через опыт семьи, как говорить о

языке через трудности чтения, как говорить о санитарии через болезни детей. Редакция затем подхватывала этот язык и постепенно насыщала его понятиями программы: «порядок», «дисциплина», «метод», «польза», «время», «ответственность».

В полемике заметен и другой стиль – стиль критического вопроса. Редакционные тексты часто строятся как серия вопросов к читателю: почему мы терпим невежество? почему тратим время на бесполезное? почему не учим детей тому, что нужно для жизни? Такой вопросительный режим не столько информирует, сколько вовлекает: он предполагает мысленный ответ и тем самым делает читателя соучастником рассуждения. Коммуникативный эффект усиливается, когда вопрос опирается на письмо читателя или на корреспонденцию «из мест»: частный случай становится поводом для общего рассуждения.

Наконец, для распространения идей важна повторяемость риторических формул. Печать создавала устойчивые смысловые связи: «знание – сила», «школа – будущее», «обычай – не закон», «время – капитал». Такие формулы выполняли функцию когнитивных «ярлыков»: они облегчали пересказ газетного содержания в устной коммуникации и позволяли читателям быстро встраивать аргументы в повседневные споры. Исследования о печати и реформе в Центральной Азии подчёркивали, что именно такие переносимые формулы и рассказы способствовали распространению реформаторской культуры за пределами узкой интеллигенции (Khalid, 1994).

Отдельного внимания заслуживает техника «привязки к человеку». Реформаторский тезис о новой школе может звучать абстрактно, пока не будет связан с биографической перспективой: «мой сын не умеет читать», «в нашем квартале нет учителя», «мы тратим деньги на обряд, а учебников нет». Письмо читателя вводит в дискурс именно эту перспективу.

Редакция затем выполняет обобщение: частный случай становится типовым, а типовой – нормативным. Этот механизм напоминает современную медиатеchniku сторителлинга, но в ранней прессе он реализуется через «доклад» читателя.

Стилистически важно и смешение регистров. Письма часто используют уважительную форму обращения, религиозные формулы, элементы разговорной метафоричности. Редакция, отвечая, может сохранять этот регистр, но добавлять элементы «нового» языка: термины педагогики, экономики, гигиены. В результате происходит постепенная языковая модернизация без резкого разрыва. Именно такая постепенность повышает восприимчивость аудитории: новое понятие включается в привычный стиль общения.

Нельзя игнорировать и роль юмора и сатиры, которые в региональной прессе выступали как безопасная форма критики. Ироническая заметка или сатирическое описание «вредного обычая» позволяло обозначить проблему, не называя конкретных лиц. Письма читателей могли подхватывать этот стиль, превращая моральную критику в более «социально приемлемую» форму. Тем самым сатирическая риторика становилась ещё одним инструментом диффузии: она облегчала повторение аргумента в устной речи.

Механизмы распространения идей через интерактивность печати

Если рассматривать распространение джадидских идей как процесс, то письма и полемика работают на нескольких уровнях. На уровне тематики они расширяют повестку: редакция получает «сырьё» проблем от читателей и может реагировать на реальные запросы. На уровне аудитории они создают эффект принадлежности: читатель видит, что его голос потенциально важен, и это мотивирует к участию – пусть даже в форме устного обсуждения, а не

письма. На уровне практики они задают модели действия: письмо – жалоба – ответ – рекомендация – отчёт о выполнении.

Особенно важен эффект тиражирования локальных инициатив. Когда корреспондент сообщает об открытии новой школы или о сборе средств на учебники, это формирует «репертуар возможностей»: другие сообщества узнают, что подобное действие реализуемо, и получают пример. В терминах современной теории инноваций это напоминает распространение практик через демонстрацию «работающего случая». Но в джадидской печати такой случай встраивается ещё и в нормативный нарратив: действие описывается как морально правильное и социально нужное.

Важна также роль редакции как фильтра и усилителя. Редакция выбирает письма, группирует их, усиливает конфликт или, наоборот, смягчает его, формулирует «урок» и подводит итог. Поэтому интерактивность печати не следует романтизировать как прямую демократию: она всегда опосредована. Тем не менее даже опосредованная обратная связь формирует у аудитории привычку к публичной аргументации и к коллективному обсуждению. Эта привычка и является одним из долговременных результатов джадидского медиапроекта (Khalid, 1998; Abduazizova, 2012).

С точки зрения социальной психологии, письма и ответы создают эффект «социального доказательства». Когда читатель видит, что другие люди уже обсуждают тему школы или языка, он воспринимает эту тему как важную и допустимую. Это особенно существенно там, где нововведения встречают сопротивление: публичность снижает чувство одиночества реформатора и показывает, что он не «странный», а часть растущего сообщества.

Интерактивность также запускает механизм обучения. Чтобы написать

письмо, нужно сформулировать проблему, выбрать аргументы, структурировать текст. Даже если письмо пишет узкий слой грамотных, его публикация предлагает образец другим: как строить обращение, как аргументировать, как просить общественной поддержки. В результате формируется «школа публичного письма», связанная с реформаторским проектом. Это косвенно поддерживает и идею новой школы: письменная практика становится ценностью сама по себе.

Наконец, интерактивность создает долговременную память. Газетная дискуссия фиксируется в номерах, к которым можно возвращаться. Для устной культуры характерна утрата деталей спора; печать же сохраняет аргументы и позволяет им циркулировать дольше. В этом смысле диффузия идей через прессу имеет накопительный характер: каждый новый текст опирается на предыдущие и расширяет «архив» реформаторских аргументов.

Полезно также сопоставить наблюдаемые механизмы с классической моделью диффузии инноваций, в которой массовые коммуникации особенно эффективны на этапе формирования осведомлённости, а межличностные каналы – на этапе принятия и закрепления практики (Rogers, 2003). В туркестанском случае письма читателей и редакционные ответы занимают промежуточную позицию: они сохраняют массовость печати, но по форме имитируют межличностный обмен – обращение и ответ. Именно эта «псевдо-интерперсональность» может объяснять их эффективность в распространении норм новой школы и реформаторской этики.

Практики чтения и материальность газеты

Чтобы понять роль писем и полемики, важно учитывать практики чтения. В условиях неравномерной грамотности газета часто читалась «вслух»: один читатель озвучивал текст группе слушателей. В такой

ситуации письмо читателя приобретало дополнительный эффект достоверности. Оно звучало как «голос своего», а не как речь далёкого автора. Это снижало дистанцию между печатным словом и повседневной жизнью и делало реформаторские аргументы более убеждающими.

Материальность газеты – формат, периодичность, повторяемость рубрик – также влияла на диффузию. Регулярное появление письма-ответа формировало ожидание продолжения: читатель возвращался к изданию, чтобы увидеть реакцию. Эта периодичность создавала «ритм» общественного разговора. Даже если тираж был небольшим, повторяемость темы и ожидание ответа увеличивали социальный охват через пересказ.

Газетный текст легко переносился в другие медиальные формы: в устную речь, в записи в тетрадях, в публичные выступления на собраниях. Короткие полемические формулы и примеры, опубликованные в ответ на письмо, могли становиться аргументами в местных дебатах. Таким образом, письмо читателя не просто выражало мнение; оно запускало цепочку вторичных коммуникаций, в которых реформаторские идеи закреплялись и переосмыслились.

Рубрикация, редакционный контроль и «архитектура» дискуссии

Интерактивность печати невозможна без редакционной архитектуры: рубрикация, заголовков, порядка размещения материалов и кратких редакционных ремарок. Рубрика «Письма в редакцию» или её функциональные аналоги выполняли роль приглашения к участию. Сам факт наличия такой рубрики сообщал аудитории, что газета открыта для голоса читателя – хотя бы в ограниченной форме. Рубрикация также помогала читателю ориентироваться: письмо в соответствующем разделе воспринималось

как часть непрерывного разговора, а не как случайная заметка.

Редакторский контроль проявлялся не только в отборе, но и в «переводе» письма на язык печатной нормы. Редакция могла сокращать эмоциональные фрагменты, убирать прямые обвинения, уточнять топонимы или социальные роли. В результате письмо приобретало более «общественный» характер: оно выглядело как сообщение, пригодное для коллективного обсуждения. Этот процесс можно понимать двояко. С одной стороны, он ограничивает подлинность голоса автора. С другой стороны, он расширяет адресность и снижает риски, делая публикацию возможной в цензурном поле.

Архитектура дискуссии проявлялась и в том, как редакция строила последовательность публикаций. Типовой сценарий включал: проблемное письмо → редакционная ремарка → тематическая статья → ответы других читателей → сообщение о результате. Такая последовательность производит эффект общественной процедуры. Она демонстрирует аудитории, что обсуждение ведёт к действию, и тем самым повышает доверие к печати как к инструменту общественной жизни.

Важно отметить, что редакционная архитектура могла «подсвечивать» определённые темы и маргинализировать другие. Если письма о школе публиковались регулярно, а письма о политическом представительстве – редко, это формировало границы публичности. Однако даже внутри этих границ письма расширяли поле возможного: социальная критика, начавшись с бытового, могла постепенно подводить читателя к более общим вопросам справедливости и ответственности.

Цензура и тактики обхода в письмах и полемике

Колониальная цензура и риск репрессий неизбежно влияли на способы

выражения критики. Письма и полемика демонстрируют набор тактик обхода. Первая тактика – персональная неопределённость: критика направляется не против конкретного чиновника или лица, а против «порядка», «обычая», «неведения». Вторая – моральная рамка: проблема описывается как этическая и педагогическая, а не как политическая. Третья – опора на универсальные ценности (знание, труд, чистота), которые трудно квалифицировать как «подрывные».

Тактики обхода отражаются и в композиции текста. Письмо может начинаться с лояльной формулы, с выражения уважения к власти или к религиозным старшим, а затем переходить к критике практики. Полемическая статья может использовать сравнительный аргумент («в других местах уже так делают»), тем самым избегая прямого обвинения местных институтов. Сатирическая форма позволяет говорить о болезненных вопросах через обобщённый образ и иронический сюжет.

Парадоксально, но цензура могла усиливать диффузию реформаторских идей в одном отношении: она вынуждала говорить «намёком», использовать переносные формулы, которые легко переходят в устный пересказ. Когда аргумент оформлен как поговорка, как короткий контраст или как ироническая сцена, он становится удобным для повторения. Тем самым ограничение прямой речи могло способствовать распространению косвенных риторических схем.

Ограничения исследования

Следует подчеркнуть ограничения данной работы. Во-первых, корпус периодики, доступный исследователю, неравномерен: сохранившиеся комплекты номеров и доступ к ним зависят от архивной политики и оцифровки.

Во-вторых, письма читателей отражают не всю социальную реальность, а ту её часть, которая могла быть сформулирована письменно и допущена редакцией к печати. В-третьих, цензура и самоцензура могли влиять на тематику, стиль и степень прямоты критики. Поэтому выводы статьи следует понимать как реконструкцию коммуникативных механизмов, а не как исчерпывающее описание социальной истории региона.

Заключение

Письма читателей и редакционная полемика в джадидской печати Туркестана начала XX века были не второстепенными дополнениями к «главным» программным статьям, а важной инфраструктурой распространения идей. Письмо выполняло функцию социального сенсора: оно фиксировало конкретные проблемы и одновременно учило читателя говорить о них публично – языком пользы, знания и ответственности. Редакционная полемика выполняла функцию перевода и организации: она превращала частные наблюдения в аргументы, связывала отдельные случаи в повестку реформ и предлагала модели действия. Через серийность публикаций, обратную связь и ответные реплики печать создавала устойчивые нормы публичного разговора, без которых диффузия джадидских идей была бы гораздо слабее.

Тем самым джадидская пресса предстает не только как «носитель идеи», но и как механизм формирования коммуникативной компетентности общества: умения формулировать проблему, обсуждать её, критиковать и искать решение. Этот аспект особенно важен для современной гуманитарной науки, поскольку он позволяет переосмыслить джадидизм как медиапрактику, а не только как идеологию или педагогическую реформу.

References:

1. Abduazizova, N. (2012). *Istoriya natsional'noy zhurnalistiki (genezis i evolyutsiya)* [History of national journalism (Genesis and evolution)] (Vol. 1). Tashkent, Uzbekistan: Sharq.
2. Allworth, E. (1990). *The modern Uzbeks: From the fourteenth century to the present: A cultural history*. Stanford, CA: Hoover Institution Press.
3. Anderson, B. (2006). *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism (Rev. ed.)*. London, England: Verso. (Original work published 1983)
4. Bakhtin, M. M. (1986). *The problem of speech genres*. In C. Emerson & M. Holquist (Eds.), *Speech genres and other late essays* (V. W. McGee, Trans., pp. 60–102). Austin, TX: University of Texas Press.
5. Habermas, J. (1989). *The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society* (T. Burger & F. Lawrence, Trans.). Cambridge, MA: MIT Press. (Original work published 1962)
6. Khalid, A. (1994). Printing, publishing, and reform in Tsarist Central Asia. *International Journal of Middle East Studies*, 26(2), 187–200.
7. Khalid, A. (1998). *The politics of Muslim cultural reform: Jadidism in Central Asia*. Berkeley, CA: University of California Press.
8. Makhkamova, N. R. (2002). Razvitie i deyatel'nost' natsional'noy intelligentsii v Uzbekistane XIX – nachala XX veka [Development and activities of national intelligentsia in Uzbekistan in the 19th–early 20th centuries]. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*, (3–4), 62–68.
9. Oyina. (1913–1915). [Journal]. *Samarkand, Turkestan Governor-Generalship*. (Selected issues).
10. Rogers, E. M. (2003). *Diffusion of innovations (5th ed.)*. New York, NY: Free Press.
11. Sadoi Turkiston. (1914–1915). [Newspaper]. *Tashkent, Turkestan Governor-Generalship*. (Selected issues).
12. Taraqqiy. (1906). [Newspaper]. *Tashkent, Turkestan Governor-Generalship*. (Selected issues).